

СЕРГЕЙ МАРЕЕВ

Нераздельные части ума

Размышления над книгой Л. К. Науменко

Нераздельные «части ума» — так называется один из разделов третьей главы книги известного советского философа Льва Константиновича Науменко. В целом глава посвящена замечательному советскому философу Эвальду Ильенкову, нашему общему другу и учителю, безвременно ушедшему из жизни. «Вот об этом, об уме и его нераздельных частях — все творчество Ильенкова», — так начинается этот раздел. Об уме мы еще поговорим, но книга не только об этом — так сказать, сюжетно не только об этом. В ней много и других сюжетов: тут и о не менее известном философе Михаиле Лифшице, и об идеологии, и о нашей Революции, и о нашем «капитализме». Но все это пронизано единым духом — именно тем, что не считается сейчас достоинством человеческого мышления, тем *монизмом*, который выражается в данном случае в том, что одной и той же меркой ума мы меряем и прошлое, и настоящее, и не историю

Л. К. Науменко. «Наше» и «мое»: диалектика гуманистического материализма. М., КД «Либроком», 2012. 464 с.

выделялся из многочисленной толпы «любомудров», которые постоянно оглядывались на власть и пытались угадать, что она им прикажет завтра.

И еще одно, о чем необходимо сказать. Книга называется «Наше» и «мое». Так вот, наше двоемыслие, наша «шизофрения» как раз в том и заключается, что мы четко отделяем свое «мое» от нашего «нашего».

подгоняем под наши нынешние представления о сущем и должном, а доверяем самой истории судить нас.

Дело не в том, что не должны меняться наши понятия о прошлом, настоящем и будущем, — у кого они не меняются, тот не развивается. Но если они меняются каждый день и в зависимости от политической конъюнктуры, то это уже даже не вдовлица Куикли, которую не знаешь, с какой стороны ухватить, а что-то склизкое и неприятное, даже чисто эстетически. Ильенкова можно упрекать в чем угодно, но только не в том, что он был конъюнктурным философом, и этим он

МАРЕЕВ Сергей Николаевич — заведующий кафедрой философии Современной гуманитарной академии (Москва), профессор, доктор философских наук.

И главным принципом современного обывательского мышления, возведенным в философский принцип, является «забота о себе». Вот наш ум-то и начинает раздваиваться и даже растравиваться и т. д., как только мы делаем принципом нашей жизни наше «я». Но парадокс в том, что, когда мы боимся утратить «мое», не потерять, не утратить свое жаленькое «я», мы и теряем свое лицо, становимся такими, как *все*.

Книга называется, повторимся, «Наше» и «мое». Но тут еще есть продолжение: «Диалектика гуманистического материализма». Понятно, что разобраться в сложной диалектике «моего» и «нашего» может только человек, сам владеющий диалектикой. Но таких и раньше-то было немного, а теперь... легче поймать американского шпиона, чем найти человека, владеющего диалектическим методом. И надо сказать, автор книги, о которой идет речь, владеет этим методом блестяще, хотя, может быть, иногда этим слегка играет. Но кто из нас без греха...

Автор книги, как уже говорилось, — ученик и друг Э. Ильенкова. Поэтому понятно, что солидную часть своей книги он посвятил Учителю. Науменко — большой мастер словесного портрета. И так, как он нарисовал нам портрет Учителя, наверное, никто больше не нарисует, хотя на сегодняшний день об Ильенкове написано много всякого, в том числе и хорошего. Одна из проблем, над которыми работал Ильенков и которые обсуждает Науменко, — проблема природы человеческого мышления, природы идеального.

Нам с первого курса философского факультета МГУ вдалбливали: мышление — «функция» головного мозга человека, идеальное есть некоторая «субъективная реальность», а в жизни, получается, ничего идеального нет. Но официальная идеология нам внушала: в жизни должно быть идеальное, и мы должны посвятить свою жизнь коммунистическим идеалам. Так чему же мы должны служить: своей «субъективной реальности»? Как-то в коридоре желтого дома на задворках гостиницы «Националь», где когда-то помещался философский факультет, я осмелился спросить профессора Нарского: а что, Игорь Сергеевич, идеальное — действительно в голове? Конечно, ответил он мне без за-

пинки. Это только Ильенков считает, что оно не в голове, а непонятно где обретается. Вот тогда-то для меня и открылся Ильенков. И одновременно я осознал всю ложь нашего официального «диамата», который утверждал, что идеальное — только «в голове», а жить-то мы должны по идеалу. А тут как раз случился Никита Хрущев со своим «коммунизмом»: человек человеку друг, товарищ и брат... Где он мне «друг, товарищ и брат»? В моей «голове»? Или в его «голове»? И почему то, что у меня в голове, должно быть и у него в голове?

«Теория идеального (сегодня говорят сдержаннее — концепция, даже гипотеза) — главное творческое достижение Ильенкова», — пишет Л. Науменко (С. 73). Опорочив это, опорочивают и всю философию Ильенкова. «С идеальностью, — продолжает ученый, — связано очень многое и прежде всего не в философии, а в повседневности. Можно даже сказать, что в человеческом бытии с ним связано *все*» (*Там же*). Бытие, лишённое идеальности, становится пустым, голым существованием. И человеку от такого существования хочется или по-волчьи выть, или застрелиться.

Да, идеальное реально! Но здесь и развилка, на которой начинаются два пути. Один путь — это платонизм с его объективно сущими «идеями»; другой — марксизм, или гуманистический материализм, как выражается Науменко. Чтобы не ходить далеко, скажем: платонизм — это Лосев, хотя, правда, сам Лосев говорил, что он неоплатоник, но это все равно платонизм. А «гуманистический материализм» — это Ильенков. В чем разница? Разница в том, что Лосев всячески расписывает идеальное, доказывает необходимость идеального, говорит, что химическая формула воды сама не мокрая, а закон свободного падения тел на землю сам не падает. Поэтому они идеальны, а не материальны.

В противоположность Лосеву мы говорим, что законы природы так же материальны, как и вода, как и те тела, которые «свободно» падают на землю. Но идеален не закон, а *человеческий способ его представления в человеческой культуре*. Дом, в котором мы живем, вполне материален. Мы называем это словом «дом». И здесь дом уже становится *идеальным значением*

слова «дом». «Словом, идеальное, — заключает Л. Науменко, — это одно в деятельности другого» (С. 83).

Но этим-то надо не только заключать, но с этого надо бы начинать, потому что отличие ильенковского понимания идеального от платоновско-лосевского как раз и состоит в том, что у Ильенкова идеальное имеет *деятельностную* природу: идеальное это одно, положенное через человеческую деятельность в другом. Дом становится идеальным жилищем для человека через деятельность строителя. Именно деятельностью строителей, кузнецов, каменотесов, плотников и т. д. созидаются не только дома, дворцы, пирамиды, но созируется идеальное. Человек непосредственно в своей деятельности идеализирует действительность. Разве Кельнский собор идеален только в нашей голове? Нет, конечно. Он идеален, потому что идеально *построен*, можно сказать, *идеальным* строителем. И дело здесь не в материи, как говорил Ильенков. Из одних и тех же кирпичей можно построить храм Василия Блаженного, а можно — арачьевскую казарму. Первый — идеален, а вторая может быть совсем не идеальной. Идеальное — это *форма* человеческой деятельности, опредмеченная в продукте этой деятельности как форма вещи, и форма вещи, которая диктует нам определенный способ деятельности.

Нашлись такие, которые обозвали это «кантианством». Но Кант, простите, не знал материальной деятельности, труда, производства, а знал только одну форму деятельности, активности — теоретическую деятельность, деятельность *воображения*. И в этом случае мы действительно не знаем, что перед нами: продукт деятельности строителя или плод нашего воображения. Но по Ильенкову, и по Выготскому, Леонтьеву, Гальперину тоже, материальная деятельность, труд, производство *исторически*, по крайней мере, предшествует способности воображения и формирует последнюю.

Здесь уже, простите, пошла моя «отсебятина». Это тема такая, что я не могу здесь просто излагать и пересказывать. Но от себя я все-таки еще добавлю, что неоплатоник Лосев делает из Платона, я бы сказал, вульгарного идеалиста. Хотя у

того же Платона «идеи» — не просто некоторые бестелесные сущности, но «образцы» *деятельности* демиурга, подобные тем образцам, по которым не только Бог-Демиург лепит окружающий нас мир, но по которым обыкновенный демиург-ремесленник лепит свои горшки. Идея, которая приходит нам «в голову», — это и есть образец, по которому мы построим себе дом. На деле Платон скопировал Бога-Демиурга по образцу ремесленника, а представил дело так, что ремесленник работает по образцам-идеям, которые приходят ему в голову от Бога.

В идеализме Платона много правды. И главная правда состоит в том, что идеальное у него, как заметил Гегель, представлено *организацией* государства, общества. Мы бы добавили, что оно представлено у него также организацией человеческой деятельности. Только отношение здесь перевернуто: сначала идеальное, потом материальное. Но откуда берется идеальное? Платон может ответить на это только одно: оно ниоткуда не берется, оно вечно существует в уме вечного Бога. Вот в этом и состоит идеализм в дурном смысле этого слова. Если же признавать, что в жизни должно быть идеальное, то таким идеалистом был К. Маркс. И такой идеализм он развивал на почве материализма, но такого материализма, при котором в основе всей человеческой жизни, в основе всей культуры, материальной и духовной, лежит материальное производство. И здесь нам хочется добавить, что ошибку Лосева повторяет Мих. Лифшиц. Но об этом — особый разговор.

Другая большая глава книги Л. Науменко посвящена именно Лифшицу. И это понятно: Ильенков и Лифшиц — самые выдающиеся марксисты XX века. К этой плеяде пытаются, правда, присесться и другие, но... поживем — увидим, кто тут останется рядом. Чем же нам дорог Лифшиц?

От первого (то есть от своего) лица я мог бы сказать: так же, как Ильенков открыл мне глаза на природу идеального, а еще на природу диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному, Лифшиц открыл мне глаза на природу *модернизма*. Сейчас это называют *постмодернизм*, но по сути здесь одно

и то же: все это *антикультура*. Ведь культура есть культура *чувств*, идеальность чувств. А в модернистском «искусстве» главное — не чувства, а голова, потому что только при помощи головы разгадываются эти «ребусы». Вот и гадают человек на выставке поп-арта, что хотел изобразить «художник». А истинное искусство не разгадывают — им *любуются*.

Я познакомился с Мих. Лифшицем в Институте философии. Нас познакомил именно Ильенков, который относился к Лифшицу, надо сказать, с большим пиететом. Даже, можно сказать, робел перед ним. Но это робость человека, который умеет ценить и уважать достоинства другого. После этого я начал читать Лифшица.

У Л. Науменко по-другому. Он, по его собственным словам, еще студентом сначала случайно прочитал вступительную статью к «Основаниям новой науки об общей природе наций». Я, будучи студентом, даже этой фамилии не знал. И кто на философском факультете МГУ мог нам тогда такую фамилию назвать? Науменко передает свое впечатление от прочитанного у Лифшица: «В нашем тогдашнем мире не говорили и не писали так, как писал Лифшиц» (С. 140). Так действительно не писали. Писали даже верные вещи так, что эту жвачку хотелось чем-нибудь запить. А читать-то их мы были вынуждены. Ведь это им надо было сдавать зачеты, экзамены, потом «защищаться» на «их» ученых советах. Или идти в дворники и становиться «диссидентом». Но ни Ильенков, ни Лифшиц «диссидентами» не были, хотя те и пытались привлечь их к себе. Ильенков с женой Олей побывал как-то в такой компании, где Галич мучил гитару и что-то как-будто бы пел (это было время всяких таких менестрелей). Не выдержав этой пытки, Ильенков простонал: «Оля, уведи меня отсюда!»

Когда я узнал об этом, то невольно вспомнил строчки Некрасова, поэта народной скорби: «От ликующих, праздно болтающих, омывающих руки в крови, уведи меня в стан погибающих за великое дело любви...» Конечно же, наши либеральные «диссиденты» не омывали руки в крови — это было бы больше, чем поэтическим преувеличением. Но то, что они *праздно болтали*, — это точно.

И главное, за всей этой болтовней о правах человека сквозило всегда «свое-мое». То, что мне особенно противно, так это их интеллигентско-краснобайская исключительность: мы — «элита». В те времена это животноводческое словечко еще не было в ходу. А сейчас они подают себя при помощи этого словечка не стесняясь — они «лучшие». Чем «лучшие»? А я, выходит, — «худший», раз мои предки были крестьяне села Михайловское Хатуньской волости Серпуховского уезда? И я даже не могу похвастать, как А. Ципко, тем, что, как он говорит, его бабушка была кулачка, а мои — так себе, середнячки. Лифшиц не корчил из себя «элиту», но все мы, кто знал его близко, ценили и искренне уважали его. А что он, собственно, сделал? Он открыл нам глаза на... пустоту модернизма.

«Модернизм, — пишет Л. Науменко, — “фурия исчезновения”. В конце концов “самым неожиданным”, самым небанальным оказывается именно банальность (консервная банка, драные джинсы, велосипедное колесо, поломанный пылесос, обрывок газеты со следами селедки — да что угодно), или нечто еще более банальное — “ничто”, пустая стена, которая и выставляется на смотре достижений модернизма. Уходили от банальности в неожиданность, а встретились опять-таки с банальностью, только обведенной рамкой, но можно и без рамки, но непременно выставленной на показ. Да еще с ценником» (С. 185).

Именно этот *ценник* и придает «ценность» такому произведению «искусства»: чем выше цена, тем ценнее «произведение». И обыватель ловится: что дорого, то и хорошо. Дешево хорошо не бывает, гласит русская пословица. И по отношению к потребительским благам, по логике рынка, так оно и есть. Но художественная ценность и денежная цена — вещи вообще несовместимые. А если их совмещают, то этим любое человеческое произведение превращается просто в *вещь* — дорогую или дешевую, но *вещь*. Именно всеобщий рынок, где все покупается и все продается, как об этом догадывался уже Гегель, враждебен искусству. Искусство, считал он, является отмирающей формой культуры. Лифшиц не дожил до «рынка». А как только начался наш «рынок», то и нача-

лось отмирание: вместо искусства пошли всякие «шоу», появилась новая рыночная категория — *шоу-бизнес*. Вот и получается: *овес растет по Гегелю*. А чтобы скрыть эту правду, «скрывают» и самого Гегеля: на место классической философии ставится модная сейчас «философия повседневности». Гегель «несовременен», говорят нам. Современная философия, говорят, начинается только с Шопенгауэра, а Сократ, Платон и все остальное — старо и неправда. И вообще, нет никакой ни правды, ни истины. А что есть?

А есть, как говорил Лифшиц, бледная немочь, седьмая вода на киселе. Но она в жизни или в искусстве? А если она в жизни, то как ее отразить в искусстве. И вот тут Науменко делает неожиданное заявление: «Доля истины есть и в модернизме». «Лифшиц категоричен в оценке. Я — не вполне. Почему?» (С. 186). Действительно, почему?

Здесь начинается тонкая диалектика. Настолько тонкая, что ее очень легко превратить в софистику. Но попробуем все-таки очертить проблему. А для этого приведем две выдержки из разных, даже противоположных, авторов. Первый автор — популярный ныне Н. Бердяев. Вот как он передает свое впечатление от посещения выставки Пикассо. Бердяев — аристократ крови и духа, поэтому четыре оранжевых уха и синие «авиньонские девушки» никакого восторга у него не вызывают. «Когдаходишь в комнату Пикассо галереи С. И. Шукина, — пишет он, — охватывает чувство жуткого ужаса»¹. Николай Бердяев еще не знает «Герники». Но он понимает разоблачительный характер творчества Пикассо: «Пикассо — беспощадный разоблачитель иллюзий воплощенной, материально-синтезированной красоты. За пленяющей и прельщающей женской красотой он видит ужас разложения, распыления». «Ветхие одежды бытия гниют и спадают»².

А вот другой автор — Э. Ильенков. «Полотна Пикассо, например, это своеобразные зеркала современности, — читаем мы у него. — Волшебные и немножко коварные. Подходит к ним один и говорит: “Что

за хулиганство! Что за произвол! У синего человека — четыре оранжевых уха и ни одной ноги!” Возмущается и не подозревает, насколько точно он охарактеризовал... самого себя — просто в силу отсутствия той самой способности воображения, которая позволяет взору Пикассо проникать сквозь вылощенные покровы буржуазного мира в его страшное нутро, где корчатся в муках в аду “Герники” искалеченные люди, обожженные тела без ног, без глаз и все еще живые, хотя и до неузнаваемости искореженные в страшной мясорубке войны — этого неизбежного следствия капиталистического способа жизни. Ничего такого формалист от канцелярии не видит. Подходит другой — начинает ахать и охать: “Ах, как это прекрасно, какая раскованность воображения, как необычно по цвету, по очертанию! Как свободно сломана традиционная перспектива, как хорошо, что нет сходства с Аполлонами и Никами Самофракийскими! Как хорошо, что у человека четыре ноги!...”³.

Адекватно понять и выразить суть кубизма как и модернизма в целом — это значит понять и выразить то *противоречие*, которое в нем заключено. И если мы от этого противоречия абстрагируемся, то есть берем только одну его сторону, «положительную» или «отрицательную», мы неизбежно впадаем в заблуждение, которое будет выражаться или в телячьем восторге по поводу синих уродов, или в таком же тотальном охаивании этого «нового искусства». Тут, как говорили наши древние учителя, надо не плакать и не смеяться, а *понимать*.

Вот это противоречие и игнорирует Лифшиц. Он не замечает, что изображение безобразной действительности может заключать в себе протест против этой действительности. И в «Гернике» последнее есть. А вот когда Пикассо изображает своих дочек и многочисленных жен с двумя глазами на одной стороне лица, как у рыбы камбалы, то протестовать уже должны его жены и дочери. И тут помочь может только *нормально развитый вкус*. Человек с таким вкусом, подойдя к «Гернике», задумается о бедствиях, которые несет

¹ Н. А. Бердяев. Кризис искусства, М., 1918. С. 29.

² Там же. С. 8, 9.

³ Э. В. Ильенков. Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 272.

война. А посмотрев «портреты» жен и дочек Пикассо, снисходительно и по-доброму улыбнется, посочувствовав этим женщинам. Примерно это, как мне кажется, хотел сказать Л. Науменко. Но пересказать его здесь я не могу. Это уж читателю самому надо разбираться. А может быть, я даже и ошибся: предмет-то очень тонкий...

И наконец, о Ленине. У Науменко это называется «Ленин и философия». Кто такое сейчас напишет? Ильенков в свое время написал книжку «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма». Это была его последняя книжка. И тут такое началось! Ильенкова стали обвинять, что он свихнулся в официоз, отказался от идеалов «оттепели», от «шестидесятников» и т. д. Но мы уже говорили, что Ильенков не был ни «шестидесятником», ни «пятидесятником», ни адвентистом седьмого дня... Он был, как это казенно ни прозвучит, марксистом-ленинцем. Что касается Сталина — тут особый разговор. Но разговора о Ленине никак не избежать: это имя вырублено на скрижалях истории так, что никакое время, никакие радзиховские и радзинские его не сотрут. Тут тоже надо прежде всего не плакать и не смеяться, а *понимать*. Но понять разницу между Лениным и философским официозом тех лет не желали ни тогда, ни сейчас.

«Все талантливое и просто здоровое в философии, — пишет Л. Науменко, — готово было бежать от философского официоза, как от чумы, — куда угодно. И бежало» (С. 237). И бежало! Это разбегание во все стороны я наблюдал своими глазами: бежали к Попперу, бежали в Америку, бежали в Церковь, бежали к блаженным старцам. И народ был незаурядный, только таланта не хватило понять, что философский официоз и философия Ленина — не одно и то же, как это и показал в своей книжке о философии Ленина Ильенков. Эту книгу и не поняли, и не заметили. Не видели и не хотели видеть разницы между тем, что писал о «Материализме и эмпириокритицизме» В. С. Молодцов, который изгонял Ильенкова с философского факультета, и тем, что писал об этой же работе сам Ильенков. Более того, «философской об-

щественности» не понравилось не столько то, что эта книга у Ильенкова про Ленина, а то, что она *против позитивизма*. Кстати, в Политиздате книгу Ильенкова о Ленине сократили примерно на два авторских листа, где речь шла в основном о советском позитивизме. Вот в чем как раз и выразился действительный официоз.

Ох, как много хотелось бы сказать! Как много волнующих вопросов поднял Науменко в своей книге. Но тут, к сожалению, сказывается и ограниченность в пространстве, то есть заданный объем текста, и достаточно специальные проблемы, о которых коротко не скажешь. Среди них — проблемы диалектической логики, хотя где и кого сейчас этому учат... даже аристотелевскую логику не в каждом вузе дают, да и то с пятого на десятое. Тут и проблема деятельности и отражения. «Обо всем этом приходится говорить потому, — пишет Науменко, — что *линия фундаментальных исследований деятельности* — деятельностьная гносеология, деятельностьная психология, деятельностьная педагогика, — оказалась грубо оборванной. Оборванной она оказалась потому, что восторжествовала обезьянья манера “тяготения к чужому”, то, что я называю ксенофобией наоборот, рабская подражательность, изнурительное эпигонство» (С. 317).

Добавлю от себя, что даже обсуждать историю советской философии, а посвященная ей конференция недавно прошла в Институте философии РАН, призвали импортных «философов» — им доверия больше, чем нашим, отечественным. Но даже если есть превосходство рыночной западной экономики над советской плановой, то это не значит, что западная наука и философия превосходили советскую философию. И здесь хотелось бы вспомнить знаменитый загорский «эксперимент» по воспитанию и обучению слепоглухонемых детей, в котором принимал деятельное участие Э. Ильенков. Ведь и это попытались исказить и изолгать. Жизнь, однако, не кончена. Так что будем продолжать, как говорил Лифшиц, поп — свое, а черт — свое... ◆